

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

В эту серию входят книги, не вошедшие в серию Ли Шучана, но по авторам иногда ее напоминающие. Таково, например, сунское издание Лао-цзы, неизвестное доселе, и ценное по своей непосредственной даосской традиции, неизвестной даже Даосскому Канону (Дао Цзан), располагавшему, казалось бы, всем богатством изданий своего классика.

Есть также издания старых поэтов, в том числе и Сыкун Ту (ум. 908 н. э.). Если бы это издание было в руках у пишущего эти строки в 1915—1916 гг., не пришлось бы, может быть, решать мучительные проблемы испорченного текста, вокруг которых китайские комментаторы создавали причудливые легенды.

Надо надеяться, что когда-нибудь, если не будет поздно, и эту серию удастся приобрести в наше книгохранилище, дающее приют науке о Китае.

В. А.

62. Лао цзе Лао. Лао-цзы Дао Дэ цзин. Цай Тингань бьянь. 老解老. 道德經. 蔡廷幹編. (По Лао-цзы толкую Лао-цзы. Книга Лао-цзы о Дао и Дэ. Составил Цай Тингань). 1922. (Не продается.)

До нас чрезвычайно редко доходят свидетельства о том, как реагируют на китайскую современность, тревожимую злом милитаризма и, вообще, политической неустойчивостью, вымирающие конфуцианцы. Но для китаевода, знакомого с бесчисленными проявлениями такой реакции на протяжении веков, представляется всегда априорная возможность угадать способ выражения их негодования: эти люди, культивировавшие начитанность, будут всегда видеть в старых текстах откровение и пророчество. К таким именно книгам принадлежит и настоящая, автор которой, шестидесятилетний старец, желает в тексте Лао-цзы найти исход своему чувству горя и возмущения.

Так именно и представляет себе дело писавший дружеское предисловие к книге Цая Сунь Баоци, бывший одно время китайским посланником в Берлине и, потому, отнюдь не принадлежащий к старому типу китайского начетчика, который мог «знать о всем, что под небом, не выходя из своих дверей».

Для своих целей Сунь, вопреки элементарным требованиям знания и даже смысла, перемещает центр тяжести книги о Дао и Дэ в гл. 37, в следующей ее выборке: «Не желать (ничего) и в покое пребывать—под небом тогда будет естественная правда (= праведное правление)». Кроме того, он делает ударение на словах: «не желать» (буйой) и рекомендует тем, кто стоит на верхах, отвлечься от корыстных вожелений, и тогда, по слову Лао-цзы, все придет к покою. Кстати, не забыт и Будда, будто-бы,

вторящий Лао-цзы в мотивах квиэтизма, и этим «всюду переводящий (в нирвану) всех живых».

Таким образом, говорит Сунь, эта книга, принадлежащая человеку, проникнутому политическими заветами Лао-цзы, может и должна, по аналогии, служить зеркалом правления власть имущих.

Послушаем теперь, что говорит о своих идеалах в предисловии к книге сам автор.

«Конфуций и Мын-цзы восстали против бесчинства и смут, но, как только они сошли со сцены, появилась ересь, еще более опасная в период шатания умов. Циньский завоеватель (III в. до н. э.) искоренил этих «говорящих во что бы то ни стало» еретиков, но, разрушив заодно всю ученую традицию, он оказался бессильным что-либо построить. Но было строительство начала династии Хань, преемницы Цинь, которое, руководясь квиэтизмом Лао-цзы (!), обеспечило Китаю четыре тысячи лет (!) невозмущенного мира (!)».

«Я», продолжает Цай, «изучал книгу о Дао и Дэ целых десять лет для того, чтобы быть в состоянии ее «перевести» (на язык современности) и передать ее смысл. Этим я имел в виду дать рабам современности свидетельство их неправоты. И вдруг — что я слышу? — опять увеличение вооружений! Что же — история повторяется, и мы опять в периоде Конфуциевой Летописи (анархия, упадок человеческих основ в VIII — V вв. до н. э.), так что я кричу, вместе с Лао-цзы (гл. 31): «Оружие — зловеший предмет». Ведь, эти люди, прикрывающие себя речами о мире, в сердце своем настоящие дикари!»

«Некоторые среди нас сомневаются, чтобы девиз Лао-цзы: «Уничтожь свое действие в мире», и получающийся из него «чистый» квиэтизм (цин-цин) чему-нибудь, вообще, помогли. Бедные люди! Не понимают, что в этих словах с избытком скрыто все, что нужно нашей действительности. Ведь «не-деяние» есть только обобщающий в космическом масштабе термин, а не реально существующее поведение. Надо только уничтожить напоминание о своей особе — вот и все».

«Когда я стал изучать Лао-цзы, то, конечно, привлек к своему чтению всех комментаторов. Получилась отчаянная разногласица, затемняющая, а не разъясняющая. Тогда я их всех отбросил и стал искать смысла непосредственно в самом каноническом тексте Лао-цзы. Я, значит, открыл поры и сочленения организма книги, не прибавив ни знака. Вот что я называю: По Лао-цзы толковать Лао-цзы».

«Важно, чтобы бессмертный текст действовал, как игла опытного врача. Только тогда конфуцианский завет «великого единства» всех людей осуществится».

Уже по типу предисловия можно судить а priori, что кроме резонерства, направленного в одну сторону, от этого нового толкования на Лао-цзы ничего нельзя ожидать. И действительно, толкования Цая, только что пообещавшего нам разъяснить путаницу, те же, что и писания предшественников, только короче и распланированы иначе. Осса взгромоздилась на Пелион, — не больше того.

Цай, конечно, не читал «Историю китайской древней философии» Ху Ши (см. «Восток» № 3), напумевшую за 4 года до издания его книги. Можно сказать с уверенностью, что, даже если бы он и знал о ее существовании, то читать бы не стал: у него, ведь, задачи совершенно иные. Отсюда целый ряд банальных сопоставлений Лао с Кунем (Конфуцием) и Буддой, свидетельствующих о непонимании всех троих основателей так называемых «трех религий» Китая. Зато, по трафарету резонеров-дидактиков, Цая важно доказать, что все эти три учения-религии занимаются спасением людей от лихого безвременья, и потому во всяком таком случае к ним, вообще, и в частности, к Лао-цзы, «герою-спасителю мира», следует-де прибегать, как к путеводному началу.

В книге рассеяны мелкие характеристики, свидетельствующие о том, что автор краем уха слышал что-то о современных теориях Лао-цзы, но, конечно, упоминает о них только для того, чтобы опровергнуть сразу и без оговорок. Так, о «нигилизме» Лао-цзы он не хочет слышать, ибо, как и сказано в предисловии, видит в книге Лао-цзы лишь конкретное, практически выполнимое учение.

Вероятно, тем же стремлением подражать современным изданиям надо объяснить приложенный к книге указатель «неповторяемых» знаков, в количестве 804, — не совпадающем, между прочим, с подсчетом знаков Лао-цзы у занимавшихся этим европейцев (Mc Clagan). Однако, в таком виде подобное упражнение излишне.

Книги, в роде только что разобранных, очевидно, последние вздохи старой китайской полиграфии. Новые полиграфы, по меньшей мере, обязуются издавать, критиковать и толковать старые тексты применительно к принципам, известным им хотя бы из недавних писаний Ху Ши. А это уже сближает их с нами, позволяя читать их без отметок курьезов, в роде теорий Цая и его друга Сунь Баоци.

Но самое любопытное — не здесь, а в том, что Цай Тингань сам американизованный китаец, воспитанник, кроме того, Торпедной школы,¹ видный деятель Нового Китая (адмирал; министр иностранных дел в 1926 г.)

---

¹ По данным Chinese Year Book, 1927, и Who's Who in China, 3rd edition, 1925, p. 728.

и переводчик китайской поэзии на английский язык. Путаница в голове, полукитайской, полуамериканской, говорит о себе в этой книге особенно сильно, и на европейцев, писавших о Лао-цзы на английском языке, Цай, конечно, не обратил никакого внимания.

В. А.

63. Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы. Перевод с китайского. Редакция и вступительная статья **А. Хархатова**. С послесловием проф. **В. Колоколова** (серия «Художественная литература современного Китая»). «Молодая Гвардия». 1929. Стр. 365. Ц. 2 р. 75 к. в переплете.

Наша синология при изучении современного Китая, в силу вполне понятных причин, главным и едва ли не исключительным образом оперирует политико-экономическими материалами, временно отводя на второй план изучение духовной культуры Китая. Назревшая необходимость в уяснении современного состояния этой духовной культуры индустриализованного Китая, как следствия видоизменения общественной среды на протяжении последних двадцати лет, заставляет особенно внимательно относиться к тем синологическим материалам, освещающим эту область культуры, которые пока еще столь редко появляются в печати.

Литература, являющаяся едва ли не лучшим средством к обрисовке особенностей общественной жизни страны, в Китае всегда играла выдающуюся роль, и эта роль не утрачена и при современном положении вещей. Появление в печати как ученых трудов, посвященных этому вопросу, так и переводов, знакомящих нас с достижениями и состоянием литературы современного Китая, естественно вызывает повышенный интерес.

Рецензируемая книга представляет сборник тринадцати переведенных с китайского художественных произведений современной китайской литературы, снабженных введением, послесловием и примечаниями. Переводы сделаны анонимно, однако, согласно собственным словам переводчика, редакция перевода в затруднительных случаях принадлежала проф. В. Колоколову, которым написано также и послесловие.

Основной недостаток книги — несоблюдение художественной пропорции при выборе материала. Такое смешение первоклассных произведений с макулатурой наводит на мысль о случайном подборе по принципу того что есть в наличии. Одиннадцать писателей, попавшие в сборник (в транскрипции сборника) — следующие: Ли-Цзи-Мин,¹ Лу-Сюнь, Чжан-Цзы-Пин, Ю-Да-Фу, Тэн-Гу, Джоу-Лин-Дзюнь, Чжан-Вень-Тянь, Цзянь-Сянь-Ай, Ван-Хунь-Дзу, Ли-Де-Вень, Цзинь-Гу-Ци-Гуань.

¹ Следует писать Ли Цзинь-мин **黎 昂 明**.